

46. Rouse, J. (1993). What are Cultural Studies of Scientific Knowledge? *Configurations*, 1(1), 1-22.
47. Satzger, A. (2005). Unternehmenskommunikation als Gegenstand der Angewandten Linguistik. *Fachsprache: International Journal of LSP*, 82-98.
48. Schiffrin, D., Tannen, D., & Hamilton, H. E. (2003). *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford and Cambridge, MA: Blackwell.
49. Scott, C. R., & Timmerman, C. E. (2005). Relating Computer, Communication, and Computer-Mediated Communication Apprehensions to New Communication Technology Use in the Workplace. *Communication Research*, 32(6), 683-725.
50. Sismondo, S. (1993). Some Social Constructions. *Social Studies of Science*, 23.
51. Tatnall, A., & Gilding, A. (1999). Actor-Network Theory and Information Systems Research. *Australasian Conference on Information Systems*.
52. Theis-Berglmair, A. M. (2003). *Organisationskommunikation. Theoretische Grundlagen und empirische Forschungen* (Vol. 4). Мюнстер-Hamburg-London: LIT Verlag.
53. Tracy, K., & Haspel, K. (2004). Language and Social Interaction: Its Institutional Identity, Intellectual Landscape, and Discipline-Shifting Agenda. *Journal of Communication*, 54(4), 788-816.
54. Wenger, E. R., McDermot, & Snyder, M. (2002). *Cultivating Communities of Practice: a guide to managing knowledge*. Boston, MA: Harvard Business School Press.

В.А. Митягина

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Волгоградский государственный университет

Главными темами гуманитарных исследований последних десятилетий стали коммуникация, интересубъективность, диалог в силу того, что процессы производства утратили первичную детерминирующую значимость для развития общества, уступив место процессам управления. Коммуникация как феномен, организующий эти процессы, определила особую значимость научной рефлексии в области изучения феномена языка, т.к. именно исследование языкового поведения – процесса использования языка как “излюбленного средства коммуникации” (Ф. де Соссюр) – позволило найти новый ракурс понимания экзистенциального отношения между людьми как отношения между *Я* и *Ты*. Философия диалога, экзистенциализм, социология культуры, философия языка открыли новый ракурс в анализе коммуникации, и исследования интересубъективности стали поворотными в изучении общества.

Во многом тон изучению проблем коммуникации был задан в творчестве К.Ясперса, а одной из главных характеристик “осевой эпохи”, в которую человек вышел за пределы индивидуального бытия и осознал сопричастность с историческим миром, творимом во взаимодействии с другими людьми, стало понятие “экзистенциальной коммуникации”: “Разум требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации. Поскольку во времени мы не можем объективно обладать истиной как единой и вечной, и поскольку наличное бытие возможно только наряду с другим наличным бытием, экзистенция постигает себя лишь в сообществе с другой экзистенцией, коммуникация являет собой образ открытия истины во времени” [2:442]. Безусловную эвристическую ценность имеет предложенный Ясперсом типологический ракурс анализа коммуникации – для него как “человековеда”, врача – психиатра уровни коммуникации являются собой важнейший параметр экзистенции. В “Общей психопатологии” он выделяет три уровня реализации коммуникации [1:123]:

1) уровень эмпирической реальности, на котором имеет место древнейший способ коммуникации “тел” и “с феноменологической точки зрения опыт переживания собственного тела тесно связан с опытом чувств, влечений и сознания “Я”;

2) уровень “предметного сознания”, на котором единство “сознания вообще” выступает в качестве предпосылки коммуникации в разных предметных сферах;

3) уровень духа как “целостности... мышления, деятельности, чувства”, на котором коммуникация является “созданием из общественной субстанции идеи целого”, т.е. это коммуникация индивида, идентифицирующего себя как часть целого – народа, нации, государства.

Особую роль, по Ясперсу, играет *беспредельная* коммуникация, не ограниченная одним уровнем, потому что человеку необходимо обрести “смысловые единства” – между стремлением к адекватному существованию в исторически данном целом и к утверждению принципов личной экзистенции.

Отметим, что проблема экзистенциальной коммуникации, безусловно, имеет глобальное измерение, потому что человеческое общество является жизненной необходимостью в реализации общности в судьбе, вере, высших духовных ценностей “осевого времени”. Карл Ясперс справедливо настаивает на том, что коммуникация – это “главное предъявляемое нам требование... Приблизить коммуникацию во всех возможностях ее осуществления есть повседневная задача философской жизни” [1:509]. Данный призыв был успешно реализован одним из основоположников современной теории коммуникации Ю.Хабермасом, который предложил в коммуникативной концепции общества анализ процессов взаимодействия, ставший во многих от-

ношениях базисным в современных исследованиях интеракционных процессов.

Хабермас разрабатывает теорию коммуникативного действия [3], в которой общество предстает не как общественно-экономическая формация, а как социокультурный феномен, адекватно интерпретируемый посредством анализа человеческих отношений. Хабермас смог предложить комплексный анализ коммуникации с позиций, объединяющих философию общества, философию языка, этику, прагматику. Коммуникация выступает в качестве мыследеятельностного комплекса, в котором неразрывно связаны мышление, рефлексия и контекст их экспликации. Типологию социального поведения, разработанную Максом Вебером, он рассматривает с точки зрения “убывающей рациональности” (*abnehmende Rationalität*), весьма наглядно демонстрируя достоинства и недостатки предпринятого методологического обобщения.

Хабермас отмечает, что попытка Вебера построить типологию на сознательной, осмысленной основе социального действия сопряжена с другими аспектами рациональности, в том числе, механизмами координации действия, зависящими от того, как строятся данные социальные связи – на общих интересах или нормативном консенсусе. Веберовская концепция вызывает при этом массу вопросов в процировании на конкретные акты коммуникации, например, применительно к тому, как определить степень рационального в поведении в пределах обычая. Формирование традиции при переходе от обычной к конвенции, норме предполагает ведущую роль психологического фактора, весьма далекого от соображений разума – в данном случае *вера* в то, что такое поведение является правильным, доминирует. Следует согласиться с Юргеном Хабермасом в том, что, к примеру, протестантская этика может стать принципиальной основой образа жизни в целом, и, безусловно, коммуникативного поведения, в частности [3:380].

Ю.Хабермас интерпретирует процесс коммуникации под большим впечатлением от теории речевых актов, однако, раскрывая новые условия и роль человека в современном мире, апеллирует к критическому сознанию индивида, использует точку зрения на рациональность как неизбежную пресуппозицию взаимодействий, ориентированных на понимание, и обращается к методологии герменевтики, психоанализа, саморефлексии. Хабермас использует дифференциацию действий как “способов совершения поступков” („Handeln“) путем выделения следующих моделей:

– модель целерационального (телеологического, объективного) поведения, предложенная М. Вебером;

- модель нормированного (социального) поведения;
- модель драматургического (экспрессивного, субъективного) поведения – самопрезентации.

Эти модели актуализируются в пределах трех “миров”, и поведение регламентируется “программой” каждого из них. *Объективный мир* являет собой совокупность фактов, которые могут иметь право на существование как истинные. *Социальный мир* – это комплекс межличностных отношений, признаваемых в качестве легитимных. *Субъективный мир* представляет собой совокупность переживаний, доступ к которым является привилегией индивида [3:84]. Идеальной с позиции Хабермаса является четвертая модель – это модель коммуникативного поведения, реализующая тип успешного поведения: “Понятие коммуникативного поведения применимо к интеракции между как минимум двумя способными к речи и действию субъектами, которые (как с помощью вербальных, так и с помощью экстравербальных средств) вступают в межличностные отношения. Акторы стремятся к пониманию в целях координации своих планов и реализующих их действий” [3:128]. Координация на основе понимания воплощает *модус* коммуникативного действия, и три первых модели поведения выступают лишь как особые случаи коммуникативного поведения. Ю.Хабермас подчеркивает: “Только модель коммуникативного действия предполагает использование языка как средства несокращенного понимания, говорящий и слушающий соотносят при этом свои представления о жизненном мире с феноменами объективного, социального и субъективного мира, чтобы получить общее определение ситуации...” [3: 142].

Коммуникативное действие противопоставляется Хабермасом *стратегическому* – целью первого является достижение взаимопонимания, а целью второго – преследование интереса, успеха, которое сопряжено с сознательным или бессознательным обманом партнера. Поведение, ориентированное на реализацию *коммуникативных действий*, обуславливает упорядочивание, нормирование и устойчивость межличностных отношений, наличие устойчивых индивидуально детерминируемых структур, способных к разворачиванию и самореализации. Манипулятивные тактики *стратегических действий* в комплексе с систематическими “перекосами” в коммуникации оказываются роковыми для социальной интеграции, поскольку в обществе утверждается отчуждение, утрачивается коллективная идентификация. В сфере культуры имеет место утрата ценностных ориентиров, значимых смыслов, а на личностном уровне потеря связи с традицией нарушает мотивационные комплексы и приводит к различным психопатологиям. Такие действия противопоставлены принципам

“жизненного мира” человека, они реализуются в пределах “принудительных ассоциаций” – институтов, поэтому с позиций коммуникативной рациональности необходимо ответить на вопрос о том, может ли человек, стремясь к успеху в своих стратегических действиях, пренебрегать действиями, ориентированными на взаимопонимание? Противостоят ли эти действия друг другу? Как сосуществуют система и “жизненный мир”? Стратегическим и, безусловно, целерациональным, по Веберу, действием является поведение в условиях институциональной, упорядоченной и организованной коммуникации, но достижение индивидуальных целей и внутри, и вне “жизненного мира” не представляется эффективным в условиях реализации плана одного коммуниканта – необходима гармонизация планов действий всех участников интеракции.

Консенсус возможен не на основе психологического, экономического, физического и ли иного давления, а на основе *лучшего аргумента*, и принудительный конформизм должен уступить неискаженной, свободной, естественной коммуникации, в первую очередь, во внеинституциональной сфере. Язык предоставляет средства для рационально организуемой и рационально реконструируемой коммуникации, для достижения консенсуса без применения силы [6:135]. Хабермас, не отрицая значимости положения о языковой способности Н. Хомского, стремится к утверждению идеи о том, что реализация “пафоса консенсуса” возможна только посредством утверждения рациональности через коммуникацию. Коммуникативное действие как действие, направленное на достижение понимания, задает модус говорения, который в этой программе становится “зародышем” социального действия [6: 76-78]. Только язык дает пропозицию, и оперирование символами дает конкретную интеракцию как основу социальных отношений.

Исследовательская программа Ю.Хабермаса направлена на решение задачи установления системы правил, по которой мы можем генерировать ситуации “возможной речи”. Эту программу он назвал *универсальной прагматикой*, и для понимания и интерпретации феноменологической сущности коммуникативного поведения большую ценность имеют предложенные в рамках данной концепции положения относительно роли языка в пропозициональной плоскости взаимодействия.

Если коммуникативное поведение – это действие, ориентированное на понимание, то рамки универсально-прагматического исследования определяются не процессом говорения как таковым, а, в первую очередь, модусом говорения, который направлен на понимание. Изучение социальных взаимодействий становится невозможным без ответа на вопрос “Как возможно исключительно с помощью языковых

средств влиять на других, в спорных ситуациях достигать согласия – как оперирование символами осуществляет социальную интеракцию?” Анализ теории коммуникативного действия и универсальной прагматики Ю.Хабермаса позволяет выделить некоторые базовые положения относительно “измерения действенности” (Geltungsdimension) речи:

1. В каждом высказывании есть пропозиционно-перформативная структура.

Данное положение, безусловно, обнаруживает влияние теории речевых актов, однако Хабермаса в большей степени, чем Серля, волнует двойная структура акта, в которой переплетены коммуникация, выражающая определенное содержание, и мета-коммуникация, реализующая конкретный, реляционный смысл данного содержания. В любой фазе интеракции можно обнаружить эту двойную структуру – акторы объективируют предметный ряд в интересующем выражении заданного смысла. Возникающие в *речевом* акте проблемы решаются *речевыми* средствами, т.е. язык делает возможным “урегулирование” социального отношения без применения силы.

2. В каждом высказывании имеет место реализация 4 требований – понятности, истинности, нормативной правильности и достоверности (Verständlichkeit, Wahrheit, Richtigkeit, Wahrhaftigkeit). Предложение становится высказыванием в ситуативном контексте, который актуализирует какой-либо из 4 выделяемых Хабермасом речевых актов [5: 386-401]:

– коммуникативный (*высказываться, говорить, отвечать*), в котором доминирует имманентное феномену языка требование понятности;

– констатирующий (*описывать, сообщать, объяснять, предсказывать*), в котором доминирует когнитивное требование истинности;

– репрезентирующий, или экспрессивный (*желать, надеяться, открываться*), в котором доминирует требование правильности, потому что в данном акте принципиально важным для говорящего является достижение того, чтобы быть правильно понятым слушающим;

– регулирующий (*извиняться, приказывать, предупреждать*), в котором доминирует требование достоверности, в силу того, что в этом акте значимо соответствие поведения говорящего социальной норме.

Отметим то обстоятельство, что данные требования и их актуализация в соответствующих актах создают “корреспондирующую” [6:81] взаимосвязь с объективным, субъективным и социальным миром, и только рациональная основа, реализация смысла, а не возможности власти, силы, харизмы, суггестии – “когнитивный характер” (Ха-

бермас) речевых действий реализуют универсально-прагматические задачи коммуникации.

3. В каждом высказывании актуализируются все 4 требования, даже если эксплицитно, в вербальной форме, выражено только одно из них. “Симптоматически” это проявляется в том, что к каждому высказыванию объективно применимы и актуальны в “программируемом” эффекте все 4 требования. Хабермас подчеркивает корреспондирующее присутствие в структуре речевого акта двух плоскостей – коммуникативного действия, предполагающего наряду с рядом “привычных и нормативно зафиксированных языковых форм” невербальный контекст – мимику, жесты, молчание, и дискурса, который он определяет как феномен, виртуализирующий все, что связано с физическим действием, потому что в нем действует только один “силовой” фактор – фактор лучшего аргумента. Дискурс как социально обусловленная организация речи выступает в качестве “зала судебных заседаний” коммуникации в силу того, что он представляет собой форму аргументации, с помощью которой можно продуктивно проанализировать или тематизировать спорные утверждения как выражение способности индивидов рефлексировать и конструировать социальное бытие. Можно сказать, что в пределах дискурса имеет место “чистая коммуникация”, и консенсус возможен только в случае реализации требований в условиях действий на основе свободы выбора уровней и ступеней коммуникации, т.е. достижения цели в “идеальной речевой ситуации” с помощью “лучшего аргумента”.

4. В процессе коммуникации следует строить поведение в “проекции” на “идеальную речевую ситуацию”.

В концепции коммуникативного действия и универсальной прагматики Хабермаса таковой является ситуация беседы, которая свободна от любых не аргументированных принуждений и, таким образом, гарантирующая “свободу перемещения” между уровнями дискурса, т.е. возможность осуществления речевого акта в его симметричном распределении между всеми участниками. Шанс начать коммуникацию в рамках дискурса, задать ее направление в реализации определенного требования есть у участников идеальной ситуации, если они свободны от ошибок в экспрессивных актах и равноправны в регулирующих актах – т.е. если нет социальной асимметрии и сопряженной с ней непропорциональностью в выполнении коммуникативных действий. В “идеальной речевой ситуации” совершается “чистое коммуникативное действие” (*reines kommunikatives Handeln*), однако не вызывает сомнения то, что реальная коммуникация далека от данной модели, и Хабермас подчеркивает: “Любая эмпирическая речевая ситуация задается пространственно-временными рамками коммуникативного процесса и психологическими па-

раметрами участников дискурса, которые объективно исключают полное выполнение идеальных условий” [4:179]. Если “идеальная речевая ситуация” не имеет реального воплощения, то каким может быть статус данной абстракции? Представляется логичным принять ее в качестве нормы, конституирующей модели, некоего “лекала”, по которому можно определить, насколько реальная ситуация отклоняется от идеальной, каким образом в ней актуализированы требования акторов. Участники коммуникации действуют в соответствии с установкой на то, что рациональный консенсус с помощью языковых средств возможен – универсально прагматической является возможность изменения коммуникативного действия за счет смены уровня дискурса, использования языковой компетенции как компетенции разума. Рациональность становится синтетическим параметром коммуникативного поведения как системы действий, направленных на достижение взаимопонимания, и язык, “слово” приобретают статус витально важного условия развития общества. Таким образом, основная цель Хабермаса – построение общества неискаженной коммуникации, поэтому его концепция создает основу для исследовательских проектов, решающих проблемы уничтожения барьеров, деформирующих коммуникативные процессы, и лингвистическая парадигма анализа коммуникативного поведения объективно нуждается в самом пристрастном изучении и использовании положений теории коммуникативного действия и универсальной прагматики.

Библиографический список

1. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. – 654 с.
2. Ясперс К. Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 420-509.
3. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985. – 542 S.
4. Habermas J. Wahrheitstheorien // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. – S. 5-173.
5. Habermas J. Was heißt Universalpragmatik? // Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984.- Ss. 353-440.
6. Krämer S. Sprache, Sprechakt, Kommunikation. Sprachtheoretische Positionen des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2001. – 285 S.